

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-301-307

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ МИФОВ О ЕВРОПЕ В «ПИСЬМАХ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н. М. КАРАМЗИНА

© Елена Приказчикова

FORMATION OF NATIONAL CULTURAL MYTHS ABOUT EUROPE IN “LETTERS OF A RUSSIAN TRAVELER” BY N. KARAMZIN

Elena Prikazchikova

The article is devoted to the formation mechanism of national cultural myths about Europe in “Letters of a Russian Traveler” by N. Karamzin. Using the example of four countries, visited by the Russian traveler (Germany, Switzerland, France and England), we explore the main models for creation of national cultural myths. The example of Germany shows the importance of the traveler’s empirical experience in the absence of literary cultural mythology concerning this country. The experience of Switzerland allows the traveler to project his own personal experience on the myth already established in literature, describing Switzerland as the Arcadia of modern times, the country where the “golden age” reigns. The national cultural mythology of France allows the traveler to compare the 18th-century myth of Francocentric Europe, when France performed the role of cultural hegemon, with the historical realities of the French Revolution, which gradually turn France into an outsider country in the eyes of other European monarchies. N. Karamzin’s world image of England is the most complex version of the national cultural myth. On the one hand, the Russian traveler compares the realities of genuine English life with the image of foggy Albion and its inhabitants, which he formed under the influence of reading English novels in the context of the Enlightenment bibliophilic cultural myth. On the other hand, his analysis of the main national features of the English people allows the traveler to think about identifying himself as a Russian person, to compare the English world image with the Russian one, stating the existence of a number of differences between them.

Keywords: N. Karamzin, travel genre, Age of Enlightenment, “Letters of a Russian Traveler,” cultural myths, national world images, Germany, Switzerland, France, England

Статья посвящена механизму формирования национальных культурных мифов о Европе в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина. На примере четырех стран, которые посещает русский путешественник (Германия, Швейцария, Франция, Англия), рассматриваются основные модели создания национальных культурных мифов. Пример Германии показывает важность эмпирического опыта путешественника в условиях отсутствия литературной культурной мифологии, касающейся данной страны. Опыт Швейцарии дает возможность путешественнику спроецировать свой личный опыт на уже сложившийся в литературе миф о Швейцарии как об Аркадии нового времени, где царит «золотой век». Национальная культурная мифология Франции позволяет путешественнику сравнить уже сложившийся в XVIII веке миф о франкоцентричной Европе, где Франции уготовлена роль культурного гегемона, с историческими реалиями Французской революции, постепенно превращающими Францию в страну аутсайдера перед лицом других европейских монархий. Наиболее сложный вариант национального культурного мифа дает у Н. М. Карамзина миробраз Англии. С одной стороны, русский путешественник сравнивает реалии подлинной английской жизни с тем образом туманного Альбиона и его жителей, который у него сложился под влиянием чтения английских романов в контексте библиофильского культурного мифа эпохи Просвещения. С другой стороны, анализ основных национальных черт английского народа позволяет путешественнику задуматься об идентификации себя как русского человека, сопоставить английский миробраз с миробразом российским, констатируя существование целого ряда отличий между ними.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, жанр путешествия, эпоха Просвещения, «Письма русского путешественника», культурные мифы, национальные миробразы, Германия, Швейцария, Франция, Англия

Для цитирования: Приказчикова Е. Формирование национальных культурных мифов о Европе в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 301–307. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-301-307

XVIII в. был временем, когда общество задумалось о проблеме национальной самоидентификации. Для России новое мироощущение уже не укладывалось в привычную антитезу «православный мир – басурманский мир», то есть мир, лишенный правильной веры. Уже говоря о петровской эпохе, В. Парсамов и Т. Шанская делают акцент на том, что в это время Запад перестает восприниматься в качестве «мира греха», приобретает черты «мира Разума» [1, с. 246]. В XVIII в. русская дворянская интеллигенция стремится максимально быстро преодолеть границу, отделяющую культурное пространство Западной Европы от культурного пространства России, стремясь «натурализоваться» в европейском просветительском топосе. Данное стремление наиболее ярко находило свое отражение в эго-документах эпохи, прежде всего в жанре путешествия. Одним из первых авторов-путешественников стал известный дипломат петровской эпохи, ставший благодаря своей автобиографии, опубликованной в 1706 г. в Карлсбаде, родоначальником российской мемуарно-автобиографической литературы. Речь идет о князе Б. Куракине, чьи «Путевые заметки 1705–1710-х годов» становятся первой попыткой достаточно объективно познакомить русского читателя с европейским «миром Разума», отказавшись как от его чрезмерного восхваления, так и от его критики [2]. Понятно, что ни о какой культурной мифологии Западной Европы речь у него еще не идет.

В Западной Европе, олицетворяющей с точки зрения философии Просвещения истинную цивилизацию, во II половине XVIII в. был создан миф о Восточной Европе, занимающей, по словам американского слависта Л. Вульфа, «промежуточную культурную зону» [3, с. 39] и являющейся «полудвойником, полупротивоположностью» [Там же, с. 35] Европы Западной.

Культурная мифология национальных отношений находила свое отражение в философской географии эпохи, основывающейся на климатических теориях. Так, французский философ Ш. Монтескье доказывал, что национальный характер того или иного народа во многом определяется климатом их стран, став одним из основоположников так называемой климатической теории развития цивилизации. В силу этого он констатировал «робость» народов «жарких клима-

тов» и отважность народов «холодных климатов» [4, с. 198].

До того, как Н. Карамзин написал свои «Письма русского путешественника», в России уже появился некоторый литературный опыт критического описания Западной Европы. Прежде всего это относится к екатерининской эпохе, когда количество русских путешественников в Европу на порядок возрастает. Например, Д. Фонвизин в «Письмах из Франции» (1777–1778) демонстрирует черты галлофобии как естественной национальной культурной реакции на галломанию значительной части российского дворянства II половины XVIII в. В результате, по словам историка В. Ключевского, формируется такой тип личности российского дворянина, как «межеумок» [5, с. 184], а «европейничанье», по мнению историка Н. Данилевского, начинает восприниматься как «болезнь русской жизни» [6].

Одним из проявлений галлофобии становится желание разрушить культурный миф о франкоцентричной Европе, где Франция выполняет функцию просветительского Эдема, центром которого является Париж. Фонвизин, напротив, во время своего путешествия создает культурный миф о Париже как об «истинной заразе» [7, с. 477], куда молодые русские дворяне не должны допускаться отцами до достижения ими 25 лет, так как иначе этот город сделает юношу «навек шалуном и ни к чему не способным» [Там же, с. 477]. Можно вспомнить, что в комедии Фонвизина «Бригадир» Иванушка побывал в Париже до того, как ему исполнилось 25 лет, что и объясняет произошедшую с ним национально-культурную метаморфозу.

Через 10 лет после Фонвизина Карамзин в «Письмах русского путешественника» формирует культурные национальные мирообразы многих западноевропейских стран, уже не преследуя конкретной политической или идеологической цели.

Его культурная мифология во многом предвзвешивает концепцию Г. Гачева о Космо-Психологосе, понятие, под которым понимается единство «национальной природы, склада психики и мышления» [8, с. 311]. В своих «Письмах...» Карамзин во многом на уровне интуиции, опираясь на собственные впечатления в духе теории Д. Юма, показывает читателям различные варианты национальных культурных космосов. В ос-

нове их формирования лежат важнейшие пункты климатической теории, начиная с природных условий в той или другой европейской стране и кончая ее культурой, литературой и философией.

Передвижение русского путешественника по Европе через Германию, Швейцарию, Францию, Англию представляет собой процесс формирования и осмысления национальных культурных мифов. Вначале герой «Писем русского путешественника» еще не осознает тесную связь климата страны с характером народа. Но уже к моменту приезда во Францию в марте 1790 г. существование этой связи воспринимается им как очевидный факт. В силу этого солнце Лангедока становится у автора лучшим лекарством от английского сплина, воспринимаемого русским писателем в качестве национальной болезни жителей «Туманного Альбиона». Можно сказать, что само английское слово spleen (сплин) вошло в словарь русского языка благодаря Карамзину и его путешествию. Т. А. Алпатова справедливо увидела в английских впечатлениях русского путешественника, включая «деятельность английского климата», проявление «„географической“ теории национального характера» [10, с. 170].

Находясь в Англии, русский путешественник почувствовал прямую зависимость национального характера от любимой пищи народа, которую Г. Гачев не случайно назвал «сгустком национального мироздания» [8]. Любимая пища англичан, включая бифстекс и ростбиф, способствует, по Карамзину, чрезмерному сгущению крови, превращая их во флегматиков и меланхоликов, склонных к самоубийству.

Карамзин отмечает влияние на черты национального характера литературы и философии той или иной страны. По его мнению, «естественность» немецкой литературы, изображающей «человека, каков он есть» [9, с. 77], обусловлена «естественностью» немецкого национального характера. Такая же установка характера и для английской литературы. Зато прямой противоположностью немецкой или английской литературам является литература французская с ее страстью к патетике и декламации. Уже в эпоху Серебряного века поэт М. Волошин поэтически охарактеризует эту «неестественность» французской литературы как «жест трагический и хмель красивых фраз» [11, с. 323]. Этот «хмель красивых фраз» французской культуры в сатирико-ироническом ключе представлял Л. Толстой в «Войне и мире». Однако первым на этот аспект обратил внимание именно Карамзин.

Философский аспект культурного мифотворчества Карамзина наиболее отчетливо проявляет себя при сравнении характера француза-

парижанина с вихрями Р. Декарта и проявляет себя через «живость народных движений, удивительную скорость в словах и делах» [9, с. 299].

Процесс создания национальных мирообразов в «Письмах русского путешественника» определялся уровнем развития системы культурных мифов относительно той или иной европейской страны. Такой системы у автора не было в случае с Германией, включая Пруссию. Именно поэтому путешественник демонстрирует читателям опыт «самовидца»-первооткрывателя, чьи представления о национальном характере тех же немцев еще очень далеки от уровня национальных стереотипов.

Так, герой-путешественник удивляется грубости толстого часового у ворот Кенигсберга, который пытается получить у него быстрый ответ на вопрос «*Wer sind Sie? Kmo Вы!*» [Там же, с. 47], делая это несколько раз просто «*пре-страшным голосом*» [Там же] или же «*еще страшнейшим голосом: «Wer sind ihr?» – гораздо уже неучтивее!*» [Там же]. К этим чертам немецкой грубости Карамзин будет возвращаться еще не раз, так же как и к немецкому милитаризму, выражающему себя в любви к фронтмании, парадомании и искреннему преклонению перед чинами. Неслучайно в Германии все знаменитые поэты, включая К. М. Виланда и И. В. Гете, находятся на службе и имеют чины, которыми искренне гордятся. Для молодого Карамзина, вышедшего в отставку в чине поручика в 19 лет, такая установка уже мало соответствовала реалиям «эпохи чувствительности». Отмечает путешественник неумение немцев хорошо одеваться и устраивать развлечения таким образом, чтобы на них не царила скука. Зато любовь немцев к ученым разговорам заставит его с величайшим уважением отозваться об ученых мужах Германии (на первом месте среди них будет философ И. Кант). Среди позитивных черт национального характера немцев называется их любовь к порядку и неизменное трудолюбие, позволяющее достичь благодаря немецкой экономии изобилия и процветания маленьких по сравнению с Россией немецких государств. Тем не менее герой Карамзина признается на страницах «Писем русского путешественника», что немцы «далеки от моего сердца», он «не хотел бы жить вместе с немцами» [Там же, с. 65].

Культурная мифология Швейцарии показана в «Письмах русского путешественника» в основном через литературную составляющую, через аркадский миф, берущий свое начало в идиллиях Феокрита и буколиках Вергилия, где в центре авторского внимания находится фигура пастуха,

прославляющего естественную жизнь на лоне природы.

Само пребывание на земле Швейцарии делает героя Карамзина свободной личностью. Он признается: *«стан мой распрямился, голова моя сама собою подымается вверх, и я с гордостью помышляю о своем человечестве»* [Там же, с. 149].

Однако именно в «швейцарской» части путешествия можно обнаружить конфликт между аркадским мифом Швейцарии, с которым Карамзин познакомился в ранней юности, осуществив перевод идиллии С. Геснера «Деревянная нога», и «правдой голого факта» травелога, который, несмотря на всю свою художественную составляющую, обладает и чертами эгодокументальной литературы. Например, путешественника не устраивают традиции знаменитого *«альпийского нищенства»*, когда *«почти беспрестанно подбегали к коляске моей ребятишки и требовали (разрядка моя. – Е. П.) подаяния»* [Там же, с. 185]. Именно требовали, а не просили, так как это не было следствием бедности и нужды, но рассматривалось лишь как *«легкий способ получить деньги»* [Там же, с. 185]. Эстетическую красоту аркадского мифа подрывает, по мнению путешественника, некрасивая с эстетической точки зрения одежда швейцарских девушек и женщин. Например, прекрасный пол носит в Цюрихе *«на головах предлинные рога, отчего они кажутся похожими на сатиров»* [Там же, с. 186]. В альпийской долине Гасли местные красавицы *«подвязывают юбку под самыми плечами, и кажется, будто они в мешках зашиты»* [Там же, с. 202].

Иногда ирония автора оказывается направленной на самого героя-путешественника. Так происходит, к примеру, при описании альпийской свадьбы, когда путешественник дарит молодоженам бесполезную для них медную медаль, на которой выгравирована голова греческого юноши, как знак своего доброжелательства. Подношение сопровождается чувствительным чтением отрывка из поэмы швейцарского поэта А. фон Галлера «Альпийские горы», в то время как жених и невеста, перешептываясь, с удивлением смотрят на странный для них дар. Второй эпизод подобного рода происходит в пастушеских хижинах на горе Венгенальп, где гостеприимные швейцарские пастухи угостили русского путешественника сливками, творогом и сыром. Однако веселые девушки-пастушки искренне смеялись над заявлением молодого русского дворянина, что он хочет остаться жить вместе с ними *«и вместе с ними доить коров»* [Там же, с. 196].

К моменту, когда Карамзин отправился в свое европейское путешествие, на волне галломании в Европе и в России сложился культурный миф о франкоцентричной Европе, где Франция рассматривалась в качестве центра европейской цивилизации. В результате подобного мировидения, по словам А. Ф. Строева, в любой европейской стране уровень цивилизации любой оказался «обратно пропорционален расстоянию от центра» [12, с. 10], то есть от Франции. Русский путешественник в начале своего пути в полной мере разделяет этот миф, поэтому Франция однозначно воспринимается им как *«прекраснейшее в свете государство»* [9, с. 292]. Что касается Парижа, то он получает у Карамзина поэтические определения в духе «Одиссеи» Гомера и «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо: *«Калиссовый остров, Армидны замок»* [Там же, с. 298].

Тем не менее этот позитивный национальный культурный миф Франции испытывается у писателя правдой впечатлений путешественника-самовидца, которая не всегда свидетельствует в пользу прекрасной Франции. Одним из первых разочарований путешественника оказывается грязь на улицах Парижа и бедность парижан, особенно живущих в предместьях города. Еще большим разочарованием для человека эпохи Просвещения становятся проявления невежества и революционного деспотизма, нашедшие свое отражение в анекдотах о Французской революции, помещенных в текст «Писем русского путешественника». Например, анекдот о молодом аристократе, которого крестьяне в деревне близ Парижа заставляли кричать *«Да здравствует нация!»*, не зная, что означает слово «нация» [Там же, с. 309–310]. К разряду таких же анекдотов можно отнести и историю про одного маркиза-заика, который некогда был убежденным роялистом, а во время революции стал сторонником свержения монархии, уверяя окружающих: *«Что делать? Я люблю мя-те-те-тежи!»* [Там же, с. 310]. История переменчивого маркиза заставляет путешественника задаться риторическим вопросом: *«...читал ли маркиз историю Греции и Рима? Помнит ли цикуту и скалу Тарпейскую?»* [Там же]. Упоминание о цикуте и Тарпейской скале является в данном случае цитатой из речи О. Мирабо, произнесенной им в Национальном собрании 22 мая 1790 г.

В соответствии с этикой сентиментализма и традицией «сентиментального путешествия» писатель отмечает «общежительность» французской нации: вежливость, любезность, искусство жить в обществе. Эти качества вместе со знаменитым галльским остроумием искупают ветренность и непостоянство французского националь-

ного характера, превращаясь чуть ли не в достоинство, когда русский путешественник отмечает в письме госпоже Н*: «Я не знаю народа умнее, пламеннее и ветренее вашего» [Там же, с. 421]. Спустя 20 лет под влиянием патриотического подъема Отечественной войны 1812 года Ф. Глинка в своих «Письмах русского офицера» назовет французский народ за это качество «народом вертушек» [13, с. 324].

Тем не менее культурный миробраз Франции, сложившийся у Карамзина к началу европейского путешествия, выдерживает испытание опытом реального путешествия. В том же письме госпоже Н* герой Карамзина признается: «...после России нет земли приятнее Франции, где иностранец часто забывается, что он не между своими» [9, с. 421].

Следующей страной, куда отправляется герой Карамзина, была Англия. Впечатление о ней у него было сформировано под влиянием библиофильского культурного мифа эпохи Просвещения, то есть под воздействием английской литературы, прежде всего английских романов вроде романов Г. Филдинга, С. Ричардсона, Л. Стерна. В них, по его мнению, находит отражение своеобразие английского характера, включая простодушие, меланхолию и мечтательность. В результате усердного чтения путешественник «вообразил Англию приятнейшей для своего сердца землей» [Там же, с. 495].

Поэтому нет ничего удивительного в том, что первоначально русский путешественник видел в английском образе жизни исключительные преимущества по сравнению с жизнью во Франции, особенно если речь шла о сравнении двух столиц: «Лондон прекрасен! Какая разница с Парижем! Там огромность и гадость, здесь простота с удивительной чистотой» [Там же, с. 434].

Путешественник последовательно отмечал яркий свет фонарей и отсутствие привычного парижского шума на лондонских улицах, широкие тротуары, которые путешественник называет для себя по-русски «намошки», богатые магазины, наполненные товарами из Ост-Индии, сытные завтраки в пирожных лавках.

Однако достаточно быстро опыт самовидца заставляет героя Карамзина задуматься об отрицательных сторонах английской жизни. И этих отрицательных сторон оказывается очень много, начиная со знаменитых лондонских карманников и кончая исключительной дороговизной земли, частная собственность на которую распространяется на все поля и леса. В результате путешественник вынужден довольствоваться общественной дорогой, не имея права даже нарвать букет

луговых цветов, так как «здесь все обгорожено» [Там же, с. 492].

К концу путешествия у автора формируется представление о принципиальной противоположности культурного миробраза Англии культурному миробrazу России. Это касается и английского характера, похвала которого «так холодна, как они сами» [Там же, с. 495].

Русскому путешественнику не нравится климат Англии, где все «покрыто туманами, мраком и дымом земляных угольев» [Там же, с. 496], из-за чего англичанин не может «не смотреть сентябрем» [Там же, с. 496]. С. А. Джанумов делает интересное предположение, что Н. Карамзин, вернувшийся из своего заграничного путешествия 15 июля 1790 г., специально пометил последнюю английскую запись сентябрем, чтобы «разделить с читателем традиционное представление о сыром климате Англии, об английских туманах, что было бы невозможно сделать в солнечном июле» [14, с. 110]. Его отталкивает холодный характер англичан, который один остроумный французский эмигрант сравнил с покрытым льдом вулканом: «...пламени не вижу, а между тем зябну» [9, с. 496]. Для Карамзина как для сентименталиста холодный характер является завесой, скрывающей эгоизм, так как в подобных людях «действует ум, нежели сердце; ум же всегда обращается к собственной пользе, как магнит к северу» [Там же, с. 498].

Путешественник пишет об англичанах: «рассудительны – и скучны!» [Там же, с. 497], признаваясь вслед за Г. Филдингом, что иностранцам практически невозможно понять своеобразие английского юмора, включающего в себя не только веселость, но и замысловатость. Одной из самых неприятных черт жителей «туманного Альбиона» путешественник, воспитанный на этических идеалах «эпохи чувствительности», считает отсутствие у них сострадания к несчастным, оказавшимся на дне жизни, так как они подзревают их в обмане, притворстве и лени. С детства считающий, что гостеприимство, в том числе по отношению к иностранцам, – важная черта истинного человека, герой Карамзина констатирует наличие некоторого презрения и даже агрессии у англичан по отношению к представителям других наций, которых они считают «какими-то несовершенными, жалкими людьми» [Там же, с. 498]. Достаточно сказать, что сам путешественник удостоился от английской черни нелестного прозвища «французская собака» [Там же, с. 498] на том основании, что на нем был сшитый в Париже модный фрак.

Но, несмотря на фактический отказ путешественника видеть в Англии и англичанах идеал

европейской страны, почерпнутый из литературы в эпоху господства просветительской бибблиофилической мифологии, он не теряет к ней интереса и как путешественник, и как русский человек, личность которого сформировалась под влиянием другого национального мирообраза. Он признается: «Я и в другой раз приехал бы с удовольствием в Англию, но выведу из нее без сожаления» [Там же, с. 502].

Данное обстоятельство позволяет охарактеризовать Карамзина, так же как и его героя-путешественника, термином *русский европеец*, что, по мнению В. Н. Топорова, свойственно для человека, который «органически сочетал две любви – к России и к Западу, точнее, испытывал чувство двуединой любви» [15, с.21].

«Письма русского путешественника» Карамзина заставляют задуматься не только о культурной мифологии национальных отношений в последней четверти XVIII в., но и о проблеме возникновения национальных стереотипов как таковых, которым будет суждено пережить века. Данный процесс можно идентифицировать как начало формирования понятия национального «мы», которое, по мнению Л. Ф. Хабибуллиной и Т. Н. Бреевой, «происходит через соотнесение этого „мы“ с „другим“, который может рассматриваться как „чужой“» [16, с.71]. «Письма русского путешественника» Карамзина находятся в самом начале данного процесса, тем не менее нивелируя традиции политического мифотворчества в духе концепции Восточной Европы или мифа о франкоцентричной Европе.

Список источников

1. Парсамов В. Власть и Просвещение в России // Логос. 2003. № 4–5. С. 243–259.
2. Куракин Б. Дневник и путевые заметки князя Б. И. Куракина. 1705–1708 г. // Архив князя Ф. А. Куракина: в 8 кн. Кн. 1. СПб., 1890. С. 101–240.
3. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
4. Монтескье Л. -Ш. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 672 с.
5. Ключевский В. О. Сочинения: В 8 т., Т. 5. М.: Соцэкгиз, 1958. 503 с.
6. Данилевский Н. Я. России и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Книга, 1991. 574 с.
7. Фонвизин Д. И. Письма из второго заграничного путешествия // Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2 т., Т. 2. М.; Л., 1959. С. 412–496.
8. Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс: Культура, 1995. 479 с.
9. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1988. 544 с.

10. Алпатова Т. А. Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 560 с.

11. Волошин М. Стихотворения и поэмы. Екатеринбург: Сред.-Урал. книж. из-во, 1992. 400с.

12. Строев А. Россия глазами французов XVIII – начала XIX века // Логос. 1999. № 8. С. 8–41.

13. Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М.: Правда, 1990. 448 с.

14. Джанумов С. А. Англия и англичане в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 108–119.

15. Топоров В. Н. Из истории русской литературы. Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века: исследования, материалы, публикации; М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 1. М.: Языки русской культуры, 2001. 912 с.

16. Хабибуллина Л. Ф., Бреева Т. Н. Национальный миф в художественной литературе. М.: ФЛИНТА, 2019. 500 с.

References

1. Parsamov, V. (2003). *Vlast' i Prosveshcheniye v Rossii* [Power and Enlightenment in Russia]. Logos. No. 4–5, pp. 243–259. (In Russian)
2. Kurakin, B. (1890). *Dnevnik i putevyye zametki knyazy B. I. Kurakina 1705–1708 g.* [Diary and Travel Notes of Prince B. I. Kurakin. 1705–1708]. *Arkhiv knyazy F. A. Kurakina: v 8 kn. Kn. 1*, pp. 101–240. St. Petersburg. (In Russian)
3. Vul'f, L. (2003). *Izobretaya Vostochnuyu Yevropu. Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe. Map of Civilization in the Consciousness of the Age of Enlightenment]. 560 p. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russian)
4. Montesk'ye, L.-Sh. (1999). *O dukhe zakonov* [On the Spirit of Laws]. 672 p. Moscow, Mysl'. (In Russian)
5. Fonvizin, D. I. (1959). *Pis'ma iz vtorogo zagranichnogo putestvviya* [Letters from the Second Trip Abroad]. Fonvizin D. I. *Sobr. soch.: v 2 t., T. 2*, pp. 412–496. Moscow, Leningrad. (In Russian)
6. Klyuchevskii, V. O. (1958). *Sochineniya* [Works]. V 8 t. T. 5. 503 p. Moscow, Sotsekgiz. (In Russian)
7. Danilevskii, N. Ya. (1991). *Rossiya i Yevropa: vzglyad na kul'turnye i politicheskiye ot-nosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe: A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World and the German-Romanic One]. 574 p. Moscow, Kniga. (In Russian)
8. Gachev, G. (1995). *Natsional'nyye obrazy mira. Kosmo-Psicho-Logos* [National Images of the World. Cosmo-Psycho-Logos]. 479 p. Moscow, Progress, Kultura. (In Russian)
9. Karamzin, N. M. (1988). *Pis'ma russkogo putestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. 544 p. Moscow, Pravda. (In Russian)
10. Alpatova, T. A. (2012). *Proza N. M. Karamzina: poetika povestvovaniya* [N. M. Karamzin's Prose: Poetics

of Narration]. 560 p. Moscow, izd-vo MGOU. (In Russian)

11. Voloshin, M. (1992). *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and Poems]. 400 p. Yekaterinburg, Sred.-Ural. knizh. iz-vo. (In Russian)

12. Stroeв, A. (1999). *Rossiya glazami frantsuzov XVIII – nachala XIX veka* [Russia through the Eyes of the French in the 18th–Early 19th Centuries]. Logos. No. 8, pp. 8–41. (In Russian)

13. Glinka, F. N. (1990). *Pis'ma russkogo ofitsera* [Letters of a Russian Officer]. 448 p. Moscow, Pravda. (In Russian)

14. Dzhanumov, S. A. (2016). *Angliya i anglichane v "Pis'makh russkogo puteshestvennika" N. M. Karamzina* [England and the British in "Letters of a Russian Traveler" by N. M. Karamzin]. Vestnik

Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. No. 4, pp. 108–119. (In Russian)

15. Toporov, V. N. (2001). *Iz istorii russkoy literatury. T. 2: Russkaya literatura vtoroy poloviny XVIII veka: issledovaniya, materialy, publikatsii* [From the History of Russian Literature. V. 2: Russian Literature of the Second Half of the 18th Century: Research, Materials, Publications]. M. N. Murav'yev: Vvedeniye v tvorcheskoye naslediyе. Kn. 1. 912 p. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

16. Khabibullina, L. F., Breyeva, T. N. (2019). *Natsional'nyi mif v khudozhestvennoi literature* [National Myth in Fiction]. Monografiya. 500 p. Moscow, FLINTA. (In Russian)

The article was submitted on 10.10.2024
Поступила в редакцию 10.10.2024

Приказчикова Елена Евгеньевна,
доктор филологических наук,
доцент,
профессор кафедры русской и зарубежной
литературы,
Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина,
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51.
miegata-logos@yandex.ru

Prikazchikova Elena Evgen'evna,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Professor in the Department of Russian and Foreign Literature,
B. Yeltsin Ural Federal University,
51 Lenin Str.,
Ekaterinburg, 620000, Russian Federation.
miegata-logos@yandex.ru